

Н. В. Мыколенко

М. М. Бахтин и проблема развивающего диалога в отечественной психотерапии

В статье обсуждается степень осмысленности современной психологией и гуманитарными науками этико-философской концепции М. М. Бахтина. Анализируются ключевые идеи бахтинской концепции диалога с точки зрения их значения для теории и практики психологической помощи. Рассматриваются современные подходы отечественной психотерапии, развивающие идеи М. М. Бахтина о принципиальной незавершенности личности, об общении как диалоге и о диалогической природе сознания.

Постановка проблемы

В условиях происходящего массового заимствования западных психотерапевтических техник и приемов все больше отечественных психотерапевтов говорят о необходимости обратиться к традициям собственной культуры. Из почти не исследованного и недостаточно осмысленного наследия русской философии конца XIX – середины XX столетия одной из наиболее востребованных теорией и практикой психологической помощи представляется концепция диалога, разработанная в трудах М.М.Бахтина. Как отмечает Копьев А.Ф., несмотря на то, что концепция диалога М.М.Бахтина в последние два десятка лет активно цитируется в отечественных работах, посвященных практической психологии, она воспринята лишь в той части, которая согласуется с уже известными истинами и воспринимается как отечественный аналог гуманистической психологии, в то время как она представляет собой самобытный и внепсихологический взгляд на человека и его взаимоотношения с другими (Копьев А. Ф., 1999, с. 51).

Во всем мире М.М.Бахтин признан одним из крупнейших мыслителей XX века. Согласно мысли В.В.Кожина, исключительная ценность идей М.М. Бахтина заключается в том, что во время, когда на первый план начали выдвигаться своего рода «кризисные», то есть абсолютизирующие какую-либо сторону человеческого бытия концепции (марксизм, фрейдизм, экзистенциализм прагматизм и др.), бахтинская мысль воскрешает такое целостное понимание человеческого бытия и сознания, которое было присуще классической философии от Платона до Канта (Кожин В.В.).

В своих работах М.М.Бахтин разрабатывает преимущественно вопросы литературоведения и философии, внутренне связанные между собой. Психологию мыслитель упрекает в том, что она «знает лишь «возможную индивидуальность», изучает внутреннюю данность без-оценочно, «в совершенном отвлечении от ценностного веса *я* и *другого*» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.101). Вместе с тем, как отмечает А.А.Мелик-Пашаев, литературоведение М.М.Бахтина пропитано психологией «понимающего» и персоналистского толка (см. Мелик-Пашаев А.А., 1996, с.52). На сегодняшний день принято считать, что Бахтин заложил основы новой методологии современного гуманитарного знания. Сложность заключается в том, что ключевые положения этой методологии не изложены в его текстах последовательно, а встречаются в разных работах и в разных смысловых контекстах. Кроме того, своеобразны сами тексты М.М.Бахтина; их специфика заключается в некоторой фрагментарности, о которой говорил сам автор: «... В работах много внешней незавершенности, незавершенности не самой мысли, а ее выражения и изложения. Иногда трудно отделить одну незавершенность от другой... Моя любовь к вариациям и к многообразию терминов к одному явлению. Множественность ракурсов. Сближение с далеким без указания посредствующих звеньев» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с. 360). Поэтому всякая интерпретация наследия М.М.Бахтина, по выражению В.Л.Махлина, не может не быть реконструкцией и текста, и контекста бахтинской мысли (см. Махлин В.Л., 1990). В связи с этим, на наш взгляд, перед исследователем, в частности, перед исследователем-психологом возникает серьезная проблема: из бахтинской множественности вариаций и ракурсов так ответственно-осторожно извлечь-реконструировать плодотворные для психологии и психотерапии идеи, чтобы не исказить смысл, вкладываемый в них самим М.М.Бахтиным.

Интересен спор В.В.Кожина с В.Л. Махлиным и другими по поводу более чуткого восприятия Бахтина на Западе, нежели в России, и утверждений, что западный читатель более подготовлен к восприятию бахтинской идеи диалога. Указывая на ни с кем из русских мыслителей не сравнимое приятие, которое Бахтин нашел на Западе, В.В.Кожин, однако, называет утверждение о том, что Бахтин более известен и близок Западу, чем России, глубочайшим заблуждением, поскольку западное самосознание как раз принципиально *монологично*, ибо не подразумевает других субъектов, кроме себя. Кроме того, по убеждению В.В.Кожина, ни в столицах, ни в провинции нет ни одного мыслящего человека, который не был бы знаком в той или иной степени с творчеством Бахтина; на Западе же его знают почти исключительно специалисты. Неосновательна эта точка зрения еще и потому, что бахтинское по-

нятие о диалоге опирается прежде всего на творчество Достоевского - глубочайшего русского писателя и мыслителя (Кожин В.В.).

Методологические подходы к решению проблемы у М.М.Бахтина

М. М. Бахтин разделяет две формы познания: монологическое – познание вещи, присущее точным наукам, и диалогическое – познание другого субъекта. Монологическая форма познания предполагает наличие одного субъекта, которому «противостоит только *безгласная вещь*» [Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.363]. В принципе, монологически, как вещь может быть познан и человек. Но понимание человеческой личности возможно только в диалоге, «ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным»: «... Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.363; ППД, 1979, с. 89).

Согласно М.М.Бахтину, диалог является способом бытия человека в мире, быть – значит общаться; неслышанность, невспомянность есть абсолютная смерть, небытие. Сама мысль наша формируется в процессе взаимодействия с чужими мыслями. В процессе диалогического общения между людьми, между сознаниями, в точке живого контакта мысли с чужой мыслью и рождается истина, живет, развивается и начинает порождать новые идеи. Будучи же изолированной в индивидуальном сознании, идея вырождается и умирает. Поэтому человек никогда не совпадает с самим собой, с тем, что он уже есть; по Бахтину «подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное *бытие*» (Бахтин М.М., ППД, 1979, с.69). Только общаясь диалогически, человек раскрывается, как для других, так и для себя самого. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке» (Бахтин М.М., ППД, 1979, с.69).

По образному выражению Б.С.Братуся, эти слова представляют смертный приговор для научной психологии личности, которая построена как раз на подслушивании и подсматривании, на получении заочной правды. Разрешение противоречия Б.С.Братусь видит в разведении понятий “человек” и “личность”. То, о чем говорит М.М.Бахтин,

относится прежде всего к понятию “человек” и согласуется с пониманием человека как безмасштабного существа, не поддающегося конечным определениям. Личность же понимается автором как особый психологический инструмент, орудие, служащее человеку для формирования, самостроительства в себе человека (см. Братусь Б.С., 1997, с.5-7).

Близкую мысль, только уже в контексте психологического консультирования, высказывает А.Ф.Копьев. Рассмотрение клиента через призму научно-психологического знания позволяет понять его как носителя тех или иных психологических качеств и свойств, отнести его к определенному типу, установить действенность в его жизни определенных психологических закономерностей. Это познание, согласно мысли А.Ф.Копьева, относится к индивидуальному уровню существования человека, который при этом познается объектно. Диалогическая позиция консультанта предполагает некоторую новую, дополнительную «проекцию» клиента, в которой были бы отражены его качества как участника диалога (см. Копьев А.Ф., 1992, с.56).

М.Г.Гинзбург находит весьма существенным и крайне плодотворным постулирование М.М.Бахтиным противоположности и противоречия между целостно-смысловым содержанием жизни и ее пространственно-временным развертыванием (другими словами, между смыслом и действительностью), противоречия, которое пронизывает жизнь конкретного человека, формируя ее основу. Он выделяет две важные идеи М.М.Бахтина: о том, что субъективная целостность личности является смысловой целостностью, и о том, что для человека пространство и время, а значит, и его действия, в них разворачивающиеся, являются средством реализации его смысловой организации; реализации, за которую человек несет ответственность (см. Гинзбург М. Г., 1994, с.44).

Основными ценностными категориями у М.М.Бахтина выступают «Я» и «Другой». Форма «Я», в которой я переживаю себя, принципиально отлична от формы «Другого», в которой он переживает всех других людей. Стрдание, страх, радость за себя качественно отличны от подобных чувств за другого. Человек переживает себя изнутри, «принципиально не воплощаясь для себя самого в свою внешнюю выраженность» увидеть конечность, пространственную ограниченность, законченное внешнее целое человек может только в другом человеке, но не в себе. (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.35). М.М.Бахтин говорит об «абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.34). Я ощущаю потребность в любви, но только другой со своего места *вне* меня

может ее осуществить, только другого можно обнять, охватить целиком. Хотя исследователи говорят о близости мироощущения М.М.Бахтина христианскому (см. Кожин В.В., Мелик-Пашаев А.А., Гуревич П.С. и др.), как замечает Н.Б.Стойнович, православию не присуще такое острое чувство «другости» другого, заставляющее мыслителя противоречить основной заповеди христианства (Стойнович Н.Б., 1995). М.М.Бахтин пишет: «Нельзя любить ближнего как самого себя или, точнее, нельзя самого себя *любить*, как ближнего, можно лишь перенести на него всю ту совокупность действий, какие обычно совершаются для себя самого» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с. 44-45).

Именно понятие «Другой», по мнению П.С.Гуревича, является ключевым в философской концепции М.М.Бахтина и исходным в ряду его оригинальных категорий (таких как «диалог», «полифонизм», «вне-находимость», «событийность», «поступление», «не-алиби в бытии»). М.М.Бахтин пишет: «Я прячется в другого и других, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире я (я-для-себя)» (Бахтин М.М., ЭСТ, 1979, с.371). П.С.Гуревич заключает: «Человек тяготеет своим одиночеством, ищет общения с другими, стало быть, он не самодостаточен. Вот почему философская антропология Бахтина начинается именно с Другого, а не с Я» (Гуревич П.С., 1992, с.88). Сходную мысль высказывает Н. К.Антропова, отмечая, что по идее М. Бахтина, «Я», общаясь с «Другими» диалогически, вступая с ними в определенные отношения, становится самим собой, чем-то определённым, имеющим место в бытии. Таким образом, проблема диалога для М.М.Бахтина – это, прежде всего, проблема «Другого», поскольку именно отношение к другому знаменует ценностное отграничение и самоутверждение личности (см. Антропова Н. К., 2000).

В этой точке находится принципиальное отличие между идеями Михаила Бахтина и иудаистского мыслителя Мартина Бубера. Будучи представителями разных культурных традиций, оба являются, очевидно, наиболее яркими представителями диалогической философии, идеи которых некоторые исследователи чуть ли не отождествляют. Как замечает Л. Владыченко, категории, выделяемые М.М.Бахтиным и М.Бубером в сфере диалогического общения перекликаются, в частности «Я – Ты» Бубера перекликается с «Я – Другой» Бахтина. Но Бахтин при этом отстаивает абсолютный дуализм «Я» и «Другого» («я-для-себя» и «другой-для-меня»). Бубер же делает акцент на дуализме «Ты» и «Оно» в пределах «Другого»: отношение к «Другому» как к «Ты» диалогично, отношение «Я – Оно» может породить только монолог [6]. Ссылаясь на американского исследователя К.Гарднера, В.В.Кожин отстаивает мысль о полной противоположности взглядов двух мыслителей на природу диалога, поскольку, если формула Бубера гласит: «Становясь Я, я

говору Ты», то для М.М.Бахтина бытие личности невозможно без «Другого», «Я» существует благодаря тому, что есть «Другой», для которого мое «Я» – «Ты», следовательно, его подход можно сформулировать так: «Я становлюсь Я, когда ко мне обращаются в качестве Ты». Таким образом, заявляет В.В.Кожин, позиция Бубера не совместима с понятием о подлинном диалоге, полновесное и всеобъемлющее учение о котором создано Бахтиным — с опорой на русскую философию XIX века и многовековую историю русского духовного развития в целом [9].

По свидетельству В. В. Кожина, Бахтин усматривал своего рода "недозрелость" и изъян русского философствования в непоследовательности и "не-довершенности" (и даже полагал, что в России философии в собственном смысле не было вообще и правильнее будет говорить о русском *мыслительстве*) и стремился вселенской широте и глубине русской мысли придать систематичность, последовательность и завершенность немецкого философского мышления. И хотя сама поставленная задача противоречит русской и, в частности, бахтинской идее о принципиальной незавершенности и мира, и человека, и диалога, М.М.Бахтину удалось осуществить эту задачу (или, по меньшей мере, наметить путь ее осуществления), чем В.В.Кожин и объясняет такое приятие Бахтина на Западе (Кожин В.В.).

Развитие идей М.М.Бахтина в современной отечественной психотерапии

Г.Станкевич утверждает, что диалог, межличностное взаимодействие между психотерапевтом и клиентом как основное содержание психотерапевтического процесса стал занимать центральное место в сегодняшнем понимании психотерапии (сменив идею воздействия психотерапевта на клиента). Исследуя диалогическую природу психотерапевтических изменений, Г.Станкевич выделяет несколько проблемных областей: 1) понимание *смысла* как *единицы опыта личности* и *операциональной единицы* психотерапевтического диалога; 2) смысловая интеграция опыта личности, выступающая целью диалога; 3) создание *диалогического пространства* и принципы организации *развивающего* диалога; 4) конкретизация *средств* осуществления развивающего диалога и управление им в процессе психотерапии (то есть *речевых стратегий*). Он определяет диалог как «процесс управляемого речевого взаимодействия людей, нацеленный на установление единого смыслового пространства, результатом которого является осознанное изменение его участников» (Станкевич Г., 1999, с.26). Такой специально организованный диалог, направленный на взаимоизменение

и взаиморазвитие клиента и психотерапевта, становится *развивающим* диалогом и выступает как метод организации психотерапевтического процесса. Два основных принципа развивающего диалога, разработанные Г.Станкевичем, – принцип реальности и принцип диадической открытости. Первый из них означает необходимость обнаружить реальность диалога как для психотерапевта, так и для клиента через проявление чувств и отношений, сделать само взаимодействие предметом внимания участников. Принцип диадической открытости означает открытость психотерапевта для клиента и его стремление своими действиями способствовать наиболее полному раскрытию клиента, поскольку «обеспечить изменение и развитие в клиенте психолог может только ценой собственных изменений и собственного развития в диалоге» (Станкевич Г., 1999, с.40).

Встреча клиента и психотерапевта образует новую реальность, уникальное диалогическое пространство, где для себя самого и для другого обнаруживается содержание смысла, новые или утерянные его грани. В диалогическом пространстве Г.Станкевич выделяет четыре основных аспекта проявлений участников: субъективный образ ситуации, ее переживание (эмоции участников), телесные ощущения и ценность ситуации, – установление взаимосвязи между которыми является условием смысловой интеграции опыта личности.

В практике психологической помощи идеи М.М. Бахтина нашли наиболее полное отражение в диалогическом подходе к консультированию А. Ф. Копьева. Как отмечает А.Ф.Копьев, рассмотрение консультирования и психотерапии как диалога, дает возможность выработать более целостный взгляд на психологическую помощь, составить общее представление о психотерапевтической, консультационной практике в целом – «как бы до или вне ее категориальных «расчленений» в рамках тех или иных частных концепций» (Копьев А.Ф.).

В бахтинском понятии диалога А.Ф.Копьев выделяет два взаимосвязанных значения. Во-первых, диалог – базовая философская характеристика человека, условие и основная форма реализации человеческого сознания и самосознания. С момента рождения человек погружен в «многоголосие разнообразных личностных «манифестов», являющих собой ценностное утверждение и самоопределение окружающих людей», поэтому всякое осмысленное действие человека и даже отказ от такового являются как бы репликой в этом диалоге. Во-вторых, диалог понимается более узко как конкретное событие общения, при котором происходит «размыкание» ценностного мира человека», «прорыв» личностей навстречу друг другу». Диалогический подход к консультированию А.Ф.Копьева использует понятие диалога в обоих этих значениях. Представление о личности как участнике глобального диалога предполагает фундаментальную свободу самоопределения личности, ее откры-

тость, незавершенность и принципиальную несводимость к любым «диагнозам». Попытка внешнего определения личности, попытка ее завершения всегда обречена на неполноту, и вместе с тем личность нуждается в реакции на себя, во мнении о себе *другого*. В зависимости от теоретической ориентации и задачи психолог может выступать в различных ролях, но базовой предпосылкой его деятельности является его позиция и авторитет как *другого* (которым не обладают члены семьи клиента, его родные), преимущество внешнего взгляда, которым он может делиться с собеседником. Возможные варианты реакций психолога могут быть формально расположены по степени возрастания их «завершающей потенции» – от молчания до совета, но в конкретной ситуации консультирования возможно «оборачивание» завершающего потенциала различных реакций психолога: «Считающиеся «дурным тоном» советы и рекомендации могут становиться своевременным и эффективным катализатором самостоятельной внутренней работы клиента. В свою очередь, благонамеренно-техническое, «профессионально-выдержанное» и «благородное» молчание может становиться для него тягостным и мертвящим «завершением» если не самой его жизни, то по крайней мере, его желания обсуждать впредь с кем-либо свои проблемы» (Копьев А.Ф., 1999, с.59).

Во втором значении диалог является пространством и условием деятельности психолога. В психотерапевтическом общении диалог может проявляться в большей или меньшей степени или не состояться вообще, будучи замещенным недиалогичным поведением – например, «закрытым», «ролевым», «игровым», «конвенциональным», «манипулятивным» и пр. Готовность клиента к диалогу А.Ф. Копьев фиксирует в предложенном им понятии *диалогической интенции*, которую определяет как большую или меньшую степень серьезности в намерении решать свои проблемы и обсуждать их в данной конкретной ситуации с данным конкретным консультантом. В зависимости от степени выраженности диалогической интенции у клиента, все случаи консультативной практики А.Ф.Копьев делит на открытые и закрытые, в закрытых, в свою очередь, выделяются подгруппы: состояния психологической интоксикации, эстетизации личностных проблем и манипуляции-пристрастия (см. Копьев А.Ф., 1992,с.57-65).

Согласно М.М.Бахтину, важным условием познания другого человека как субъекта является позиция «эстетической вненаходимости», отвергающая как путь безучастного нейтрального анализа, так и путь вчувствования в другого человека, слияния с его переживаниями. Раскрыть человека, вернее, заставить его самого раскрыться можно лишь путем общения с ним. В психотерапевтическом общении позиция «эстетической вненаходимости» характеризуется четким ощущением границ

своей активности и активности другого, пониманием ограниченности (объективной) своих возможностей, чуткой и дифференцированной реакцией на волевое устремление клиента (Копьев А.Ф., 1990, с.19).

Развивая идеи М.М. Бахтина о диалогической природе сознания, Т.А.Флоренская утверждает, что кроме постоянного диалога с внешними собеседниками, в душе человека происходит и более глубокий диалог со своим «духовным Я». Метод духовно-ориентированного диалога, разработанный Т.А. Флоренской, сфокусирован на выявлении внутреннего диалога человека со своей совестью, в которой проявляется «духовное Я», диалога «духовного Я» и «наличного Я». «Наличное Я» человека это то, что представляет собой человек в его теперешнем состоянии, все многообразие его состояний и представлений о том, каким ему хотелось бы быть. В «наличном Я» могут быть выделены «реальное Я» и «идеальное Я». «Духовное» или «потенциальное Я» – сущностное ядро человека, одним из проявлений которого является совесть – нравственная интуиция. Согласно мысли Т.А.Флоренской, в основе внутреннего мира человека лежит противоречие между «духовным Я» и «наличным Я». Отождествление человеком себя со своим «идеальным Я» или с «наличным Я» делает внутренний мир человека монологичным, в нем прекращается «тот глубокий диалог двух «Я», в котором совершается духовное возрастание личности» (Флоренская Т.А., 2001, с.28).

Духовно-ориентированный диалог возможен при условии признания в человеке духовной жизни, разделения «духовного Я» и «наличного Я», соблюдении принципа «доминанты на Собеседнике», введенного А.А.Ухтомским и принципа венаходимости М.М.Бахтина. «Доминанта на другом» или «доминанта на Собеседнике» означает всецелое обращение к собеседнику в противоположность «доминанте на себе», порождающей вместо видения собеседника собственную проекцию, своего двойника. Принцип венаходимости трактуется Т.А. Флоренской как отстраненность от человека, от его «наличного Я», бережно-созерцательное отношение к нему без навязывания себя [10].

Условиями возникновения диалогического контакта являются, с одной стороны, убеждение в духовном достоинстве человека, безусловное принятие на основе его «духовного Я», а с другой – контакт с «наличным Я» собеседника, сопереживание ему, но и оценка его проявлений, определяемая универсальными духовно-нравственными ценностями. Эту оценку консультант высказывает сам или подводит к ней клиента. Целью психотерапевтической работы является достижение внутреннего мира, целостности личности, возможное, по мысли Т.А.Флоренской, лишь благодаря примирению со своим «духовным Я». Поэтому консультант занимает позицию «духовного Я» собеседника, подтверждает его голос, его правоту в своих высказываниях и оценках, при этом оставляя за клиентом свободу выбора (Колпакова М.Ю., 1997).

На методе духовно-ориентированного диалога основана стратегия психотерапевтической работы с женщинами, отказывающимися от своих новорожденных детей, разработанная М.Ю.Колпаковой. Как указывает М.Ю.Колпакова, тяжелое душевное состояние (депрессия, тревога) связано с отвержением женщиной духовно-нравственных ценностей. Психотерапевтическая работа в этом случае оказывается возможной благодаря тому, что «во внутреннем диалоге женщины становится различим голос, утверждающий, что от ребенка нельзя отказываться и что у нее есть для этого возможность и силы». Поддержание «голоса совести» в процессе духовно-ориентированного диалога улучшает душевное состояние клиентки и способствует принятию ею более активной позиции в поиске выхода из сложившейся ситуации (Колпакова М.Ю., 1997, с. 63-65).

Представление о психике как о диалогической структуре легли в основу метода диалогического анализа случая, обоснованного Е.Т.Соколовой и Н.С.Бурлаковой. Опираясь на идеи Л.С.Выготского о социальном генезе сознания и М.М.Бахтина о диалогической природе сознания, авторы постулируют структурную тождественность внешнего диалога между матерью и ребенком на ранних стадиях онтогенеза и внутреннего диалога в структуре самосознания, содержащего в свернутом виде породившую его структуру внешнего диалога. Сутью данного метода терапии является извлечение из речевого потока «свернутых» обращений к терапевту, разворачивание внутреннего диалога пациента и дифференциация прежде слитых с «Я» «голосов» значимых Других, их разведение в пространстве и времени (здесь и теперь, там и тогда, Я — Они), нахождение их действительного адресата из прошлого или настоящего, расшатывание структуры внутреннего диалога методом минимальных изменений. (Бурлакова Н.С., Соколова Е.Т., 1997, с. 62-63).

Выводы

Завершая далекий от полноты анализ проблемы диалога и диалогического подхода в отечественной практической психологии, попробуем обозначить их место и значение в психологии. Автор солидарен с мнением Б.С.Братуся, согласно которому для современного этапа развития психологии характерен поворот от естественнонаучной ориентации к гуманитарной, который как никогда остро ставит вопрос о существенных характеристиках человека в мире. Опираясь на идеи С.Л.Рубинштейна, а также Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Б.М.Теплова, П.Я.Гальперина и других классиков отечественной психологии, Б.С.Братусь считает центральной, смыслообразующей характе-

ристичкой человека его способ отношения к другому человеку. Если психоанализ является психологией подсознания, бихевиоризм – психологией характера и способов действия, а гуманистическая психология – психологией личности, самости как самоцели человека, то подлинной психологией человека, исходящей из нередуцированного представления о его сущности, является психология нравственная (см. Братусь Б.С., 1997). В соответствии со всем вышесказанным, диалогический подход в практической психологии представляется достаточно продуктивным и перспективным.

Литература

1. Антропова Н. К. Становление диалогических концепций М. М. Бахтина и С. Л. Франка: общее и особенное // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии №1/2000 [2001] <http://www.eunnet.net/sofia/01-2000/text/0101.html>
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979 – 318с
4. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопр. психологии. – 1997. – № 5. – С. 3-20.
5. Бурлакова Н.С., Соколова Е.Т. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопр. психологии. – 1997. – № 2. – С. 61–77.
6. Владиченко Л. «Релігійний» і «моральний» діалог у контексті концепції М. Бубера та М. Бахтіна. http://www.iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/13_2003/articles/stat25.html
7. Гинзбург М. Г. Психологическое содержание личностного самоопределения. // Вопр. психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.
8. Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М.М.Бахтина // М.М.Бахтин как философ / С.С.Аверинцев, Ю.Н.Давыдов, В.Н.Турбин и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
9. Кожин В. В. Великий творец русской культуры XX века. Из книги "Судьба России: вчера, сегодня, завтра" <http://stolp.narod.ru/Lichnost/bahtin.htm>
10. Колпакова М. Ю. Психологическая работа с женщинами, отказывающимися от новорожденных детей // Вопр. психологии. – 1997. – № 3. – С. 61–69.
11. Копьев А. Ф. Взаимоотношение «Я» – «Другой» и его значение для практической психологии. К интегративной концепции психологи-

- ческой помощи // Московский психотерапевтический журнал. – 1999. – № 2. – С. 48–60.
12. Копьев А. Ф. Диалогическая психотерапия.
http://www.psychology.ru/education/programs/02_04_05.stm
 13. Копьев А. Ф. Диалогический подход в психотерапии и вопросы психологической клиники // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 1. – С. 52–66.
 14. Копьев А. Ф. Психологическое консультирование: опыт диалогической интерпретации // Вопр. психологии. – 1990. – № 3. – С. 17–25.
 15. Махлин В. Л. Михаил Бахтин: философия поступка. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
 16. Мелик-Пашаев А. А. Л.С.Выготский и М.М. Бахтин: подготовительные материалы к несостоявшемуся диалогу // Вопр. психологии. – 1996. – № 5. – С. 51–56.
 17. Станкевич Г. О диалогической природе психотерапевтических изменений // Московский психотерапевтический журнал. – 1999. – №2. – С. 24–47.
 18. Стоянович Н. Б. Диалогическая природа морали // М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тезисы III Саранских международных Бахтинских чтений: В 2-х ч. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1995. Ч. I. С. 204-206.
 19. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. Наука о душе. – М.: Владос, 2001. – 208 с.